

Страшная сказка музея Востока

История борьбы за переданное в Россию наследие Рерихов в документах

Второй год в Арбитражном суде Москвы слушается дело по иску Росимущества о выселении Международного центра Рерихов (МЦР) из усадьбы Лопухиных. Здесь, в тихом Малом Знаменском переулке, много лет работает его общественный Музей имени Н.К. Рериха. Выселение МЦР из усадьбы, несомненно, приведет к уничтожению

Музея, основанного Святославом Рерихом. Будущая судьба всего рериховского наследия, переданного в Россию, тесно переплетена с судьбой этого Музея.

Огромное художественное собрание Рерихов стоит не меньше, чем пропавшая в годы войны знаменитая Янтарная комната. Их картины регулярно продают-

ся на аукционах «Сотби» и «Кристи», и, если отталкиваться от цен последних трех лет, любое из полотен могло бы быть продано за сумму в несколько миллионов долларов. Однако художественную и духовную ценность коллекции этими миллионами не оценишь — для России коллекция бесценна. Часть этой коллекции — 282 картины, которые

Рерихом были завещаны общественному музею, хранится в Государственном музее Востока (ГМВ). Собственно, именно ГМВ и требует выселения Международного центра Рерихов из усадьбы. Затянувшейся истории, когда государственный музей пытается растоптать общественный, в ноябре исполнится 20 лет. И это настоящий детектив.

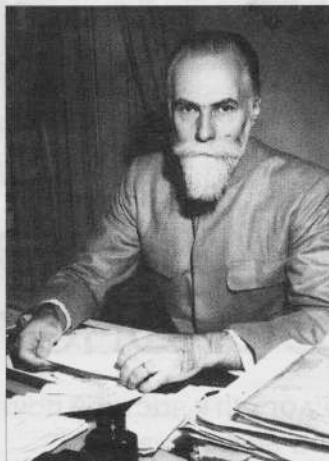
Золотая коллекция

Окончательная цена коллекции, находящейся в распоряжении музея Востока, не может быть установлена достоверно, поскольку точный ее состав на сегодняшний момент неизвестен.

В 1978 году собственник коллекции Святослав Николаевич Рерих, сын Николая Рериха, передал коллекцию в СССР для проведения передвижных выставок. Однако тогдашняя коллекция существенно отличается от той, что описана ныне в документах музея Востока — по количеству картин, их размерам и наименованиям. Международный центр Рерихов (МЦР), претендующий на коллекцию на основании завещания Святослава Рериха, много лет ставит вопрос о соответствии нынешней коллекции описи ее владельца, составленной при ввозе коллекции в СССР. А руководство ГМВ считает этот вопрос закрытым и многократно заявляло, что 282 хранящиеся в музее картины Рерихов точно перечислены в актах приемки этой коллекции на временное хранение. Впрочем, коллекция в том виде, в каком она ныне представлена, соответствует лишь внутренним документам самого музея.

Многие документы свидетельствуют: внесенная в СССР коллекция была другой, более полной. Сохранились каталоги тех лет: картины выставлялись в Болгарии, несколько лет путешествовали по музеям СССР. Тогдашний состав коллекции отражен в актах приемки-передачи собрания музею страны. Тот факт, что на каком-то этапе часть бесценного наследия была утрачена, не подлежит сомнению. Но когда и как это произошло? Были ли картины разворованы в сумятице 90-х годов или раньше? Осели здесь, в частных коллекциях или вывезены из России контрабандой? Без сомнений, отвечать за произошедшее должно государство, на временном хранении которого картины находились. Оно же обязано провести расследование и установить судьбу утраченных картин для их возврата. Но под любыми предлогами многочисленные проверяющие отказываются просто сравнить коллекцию при ее ввозе в СССР и сегодня. Ее сравнивают только со списками, составленными самим же музеем Востока. Иначе придется отвечать на многие неприятные вопросы. А сейчас они, похоже, волнуют только Международный центр Рерихов. Так что определение надлежащего собственника этой коллекции — вопрос заведомо очень неудобный для многих действующих лиц.

Однако «Новая газета» попытается и на него ответить в своем расследовании. Копии всех документов, относящихся к описываемым событиям, хранятся в редакции. Важнейшим свидетелем для нас стал сам владелец коллекции, живой участник тех событий Святослав Рерих, чьего выразивший свое мнение в большом количестве документов.

Святослав Рерих

Наследие —
не государству,
а людям

Встреча Святослава Рериха с Михаилом Горбачевым в конце 80-х дала возможность осуществить мечту Святослава Николаевича — создать в Москве Музей имени Н.К. Рериха.

Когда стало известно, что Рерих готов безвозмездно передать в Россию свою часть наследия для создания этого Музея, к нему в Индию потянулись «ходоки» с надеждами на свою долю наследия.

В своем знаменитом письме «Медлить нельзя», опубликованном летом 1989 г. в газете «Советская культура», Святослав Рерих попытался донести до всех просителей: необходимо создать именно общественный Центр-Музей, для которого он и передает свою часть наследия. Владелец наследия настаивал на принятии своей концепции развития Музея, которому он намерен передать наследие: «...Починение центра Министерству культуры, а тем более музею искусств народов Востока (ГМВ. — Ред.) повело бы к неоправданному, на мой взгляд, заведомому сужению задач и возможностей центра. Центр должен, по-моему, обладать значительной независимостью, гибкостью, возможностью функционировать поверх ведомственных барьеров. <...> Суть концепции Центра-Музея в том, что наиболее оптимальное его функционирование может быть в составе общественной организации».

Возникает вопрос: почему Центр-Музей должен быть только в статусе общественной организации? На это у Святослава Рериха были серьезные основания. Трагическая судьба первой части наследия, которую в 1957 году в СССР

привез его брат Юрий и которую Святослав пытался спасти от разграбления, дало ему грандиозный опыт отношений с чиновниками. Еще тогда он понял: государство не намерено создавать Музей имени его отца. (Об этом «НГ» писала в № 56 от 4.08.2008)

Но, несмотря на обращение С.Н. Рериха, в руководстве Министерства культуры были совсем иные планы на его коллекцию и ту часть наследия, которую он намерен был передать в СССР. И если бы не активные действия Людмилы Шапошниковой, которую Рерих выбрал руководителем будущего общественного Музея и своим доверенным лицом, вряд ли его мечта могла быть осуществлена. Уж слишком велико было желание государства не выпустить из своих рук право распоряжаться наследием.

2 ноября 1989 г. на основании того самого обращения Святослава Рериха состоялось учредительное собрание новой организации. И Людмила Васильевна Шапошниковой при поддержке небольшого числа единомышленников удалось отстоять ее общественный статус.

Но основные трудности были впереди, когда пошла работа над подготовкой проекта постановления Совмина. Уже с самого начала он существовал в двух вариантах.

Проект Л.В. Шапошниковой учитывал все пожелания С.Н. Рериха: создание общественного Центра-Музея имени Н.К. Рериха, создание Советского фонда Рериха, который должен был обеспечить его работу и создание филиала СФР в бывшей квартире Ю. Рериха. Там еще оставалась значительная часть наследия семьи, привезенная его братом.

Второй проект, подготовленный, видимо, без участия музея Востока, был направлен на создание государственного Центра-Музея Рериха как филиала ГМВ. Общественной организацией оставался только СФР, но без права распоряжаться наследием. И о наследии Рерихов, остающемся на квартире Юрия Рериха, что было особой заботой С. Рериха, в документе не было ни слова.

Только благодаря решительным действиям Шапошниковой, которая требовала точного выполнения всех условий Рериха, ей удалось отстоять статус общественного Центра-Музея в составе СФР. Но не удалось уберечь от разграбления часть наследия, оставшуюся на квартире Ю.Н. Рериха. Чиновники неохотно отказались включить в проект положение о филиале. Пришлось жертвовать меньшим, чтобы спасти основное.

Музей Востока так и не смог в открытом противостоянии против С.Н. Рериха и его доверенного лица добиться выполнения своих планов. 4.11.1989 г. вышло постановление Совмина № 950 «О Советском фонде Рерихов и Центре-Музее имени Н.К. Рериха».

Казалось бы, требования обязательного создания общественной организации для хранения неделимого наследия многократно повторены лично Святославом Рерихом в документах, письмах и устно при организации перевозки наследия в Москву. Воля Рериха, зрелая нотариально, высказана настолько ясно и недвусмысленно, что не оставляет

никакого пространства для ее интерпретации. Вот потому-то государственные чиновники и стараются обходить эту тему стороной.

Редакция располагает видеозаписью, которая свидетельствует, что в конце 1989 года на пресс-конференции по случаю создания СФР и Центра-Музея имени Н.К. Рериха в присутствии Святослава Николаевича был озвучен подписанный им документ, в котором сказано: «Центр-Музей не претендует на коллекции картин Н.К. и С.Н. Рерихов, другие экспонаты, которые находятся в составе советских музеев и картинных галерей. В это число не входит выставка Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов, сформированная Святославом Николаевичем Рерихом и привезенная им из Индии в 1978 году, которая до сих пор находится в СССР и является собственностью С.Н. Рериха». Имеется в виду коллекция Святослава Рериха, единственного ее владельца, находящаяся в музее Востока. Яснее не скажешь.

Приезд Рериха в Москву ускорил выполнение государством и второго условия передачи наследия в Россию — предоставление помещений в Москве и приспособление их под нужды Центра-Музея.

Руководство страны предложило Святославу Николаевичу несколько объектов на выбор для размещения общественного Музея имени Н.К. Рериха. Вот что по этому поводу говорил сам Рерих в интервью «Советской культуре» 23.11.89 г.: «Я сам выбрал для будущего Центра-Музея Николая Константиновича бывший особняк княгини Лопухиной возле Пушкинского музея. Это прекрасный уголок старой Москвы, где атмосфера проникнута духовностью и красотой».

Воля владельца наследия и охотники за наследием

В конце ноября 1989 года Моссовет предоставил усадьбу Лопухиных для размещения в ней Центра-Музея имени Н.К. Рериха. Когда Святослав Рерих убедился, что данные ему обещания выполнены, он пригласил Л.В. Шапошникову к себе в Бангалор (Индия) для подготовки коллекции к вывозу в Москву. В марте 1990 года Святослав Николаевич в присутствии свидетелей у нотариуса в Бангалоре подписывает распоряжение: «Архив и наследие Рериха для Советского фонда Рерихов в Москве». На основании этого документа и был осуществлен вывоз наследия из Индии в Москву.

Документ содержит шесть приложений (№ 1 — архив Рерихов, № 2 — библиотека Рерихов, № 3 — картины Н.К. Рериха, № 4 и 5 — коллекции в количестве 288 картин С.Н. Рериха и Н.К. Рериха, находящиеся в ГМВ и № 6 — личные вещи Рерихов). Из данного списка предельно ясно, какое имущество Святослав безвозмездно передавал в Россию для создания общественного Музея.

Н.К. Рерих. Александр Невский, 1942. Картина должна быть в России, однако находится за рубежом в частной коллекции

В этом же документе содержатся два принципиальных для нас момента. Во-первых, при жизни Святослава фонд получал право лишь распоряжаться наследием, но без права собственности. Права собственника С.Н. Рерих оставил за собой. И только после его смерти исключительные права на наследие должно было перейти к фонду (п. 5). Как показало время, это было мудрое решение.

Кроме того, С.Н. Рерих обязал Министерство культуры СССР передать Советскому фонду Рерихов (СФР) те самые 288 картин (приложения № 4 — 5), которые находились на временном хранении у министерства (п. 3).

Из распоряжения Святослава Николаевича следует и еще один любопытный момент: совершенно очевидно, что ему не было известно о передаче коллекции (в соответствии с приказом Минкульта № 234 от 30.05.1989 г.) на временное хранение Государственному музею Востока.

И вот 7 мая 1990 года наследие Рерихов прибыло в Москву. Оставалось присоединить к нему ту часть, которая хранилась в ГМВ. Но и при живом хозяине государства, ранее таким же способом присвоившее в 1960 году коллекцию его брата (см. «Новую газету», № 56 за 2008 г.), отдавать ничего не собралось. Из СФР в Минкульту последовал ряд писем с требованием вернуть картины из музея Востока в фонд на основании решения самого владельца.

Тогда директор ГМВ Набатчиков написал в Минкульту, что Рерих сам распорядился оставить картины в ГМВ. Единственное подтверждение этой его догадки — некая магнитофонная запись. Ольга Румянцева из музея Востока объясняет: «Он (Святослав Рерих. — Ред.) нам сказал: я эту выставку оставлю в вашем музее, вы ее достойно храните, пусть она дальше несет радость людям».

Аудиозапись и ее расшифровка вывешены в интернете самим музеем Востока. Встреча Рериха с руководством ГМВ состоялась 20.11.1989 г. Анализ беседы не оставляет сомнений, что из вежливости и осторожного Святослава Рериха буквально вытискивали фразу, которую в дальнейшем можно было бы истолковать как благословление на захват коллекции.

Вот слова, произнесенные художником последовательно в ответ на каждое пространное выступление Румянцевой и Набатчиков: «1) Ну слава Богу 2) Прекрасно. Прекрасно... 3) Хорошо. 4) Мы ценим ваше отношение, ваши добрые слова. Я уверен, что они останутся в достойных руках и будут нести свои добрые пожелания всем тем, кто их увидит... 5) Да. 6) Конечно».

Художник буквально отстреливается короткими либо обтекаемыми, ни к чему не обязывающими фразами. Наконец он произносит: «Спасибо вам. Я в этом уверен, что вы так и сделаете, поэтому будет, как я сказал. Таким несколько вещей, которые перейдут в Индию, и затем остальные могут найти пристанище здесь, у вас». И в другой фразе — «В музее». Имел ли в виду музей Востока или свой, созданный накануне этой беседы Музей?

Деликатный и умный человек, потерявший в борьбе с нашей бюрократией всю коллекцию брата, дабы не втягиваться в дискуссию, сказал лишь то, что занимало все его мысли в последние десятилетия жизни: передать оставшуюся у него часть наследия в Россию в надлежащие руки, которые смогут не только создать музей, но и защитить наследие. Ни единым словом он не выразил желание передать картины государству. Так что означают слова «в музее»? В созданный им общественный музей или Государственный музей Востока? А «у вас» это в ГМВ или в России?

Практически это и есть главное доказательство правомерности претензий на коллекцию со стороны музея Востока. Это все, что может предоставить суду руководство ГМВ. МЦР же оперирует документами, которые мы изучили не менее внимательно, нежели аудиозапись встречи Рериха в ГМВ. Надо помнить, что Рерих специально приехал в Москву убедиться, что его условия — создание общественной организации для хранения наследия и предоставление для нее помещений в Москве — выполнены. И судьбу коллекции он после разговора в музее Востока определил не общими словами, записанными на аудиоленту, а вполне конкретным завещанием, заверенным нотариусом.

26.11.1989 г., через пять суток после визита Святослава Рериха в ГМВ, во время которого и была сделана аудиозапись, Рерих собрал правление Советского фонда Рерихов. На нем присутствовал и сам директор ГМВ Набатчиков, входивший тогда в состав правления СФР. Тогда-то и прозвучали слова Святослава Рериха, поставившие все точки над «i»: «Многие организации и люди непременно будут просить и требовать какие-либо части наследия. При этом они будут ссылаться на данные им обещания или будут думать, что они могут наилучшим образом этим наследием распорядиться. Мы, однако, должны проявлять твердость и стремиться к тому, чтобы наследие сохранило свою целостность...»

Впрочем, ГМВ не очень беспокоило мнение владельца наследия. В своем письме в Минкульту Набатчиков сообщил, что «статус общественного Музея МЦР вызывает большое сомнение», т.к. специалисты и научная общественность считают, что произведения такого уровня должны храниться в государственном учреждении.

Вот вам и уважение к воле владельца... СФР дважды в течение полугодия с декабря 1990 г. просил Министерство культуры вернуть из ГМВ его коллекцию. В качестве официального ответа Министерства культуры Международному центру Рерихов за подписью Генриха Попова было переправлено то самое письмо Набатчикова.

Попов — бывший директор ГМВ, ушедший в министерство на повышение. В своих отношениях с наследием Рерихов он успел продемонстрировать недюжинную хватку.

В 70-е годы Кетрин Кемпбелл, сотрудница Елены Ивановны Рерих, решила передать СССР свою коллекцию картин Н.К. Рериха. Она обратилась в посольство СССР в США. Ю.М. Воронцов, который работал тогда в США советником советского посла по культуре, ознакомились с предлагаемым даром, сообщили

о нем в Министерство культуры СССР. Попова послали в США, чтобы получить коллекцию. Там он не растерялся и обвел незнакому чиновничью наглостью Кемпбелл вокруг пальца. Кроме указанных картин Попов увез и другие предметы искусства, архивные материалы и личные вещи семьи Рерихов. При этом он даже не согласовал с дарительницей список отбираемых вещей. Что это, если не ограбление? Об этом свидетельствует письмо К. Кемпбелл министру культуры СССР от 6 мая 1991 г. При этом только часть захваченного Поповым имущества в последующем была выставлена в музее. А где остальное? Видимо, с этого случая и началась страсть ГМВ к собирательству наследия Рерихов.

Сверху виднее?

Уже в 1991 году Министерство культуры выполняло, скорее, роль ретранслятора позиции музея Востока, не желавшего расставаться с чужим добром. Собственной позиции Минкульту в этом деле не просматривается. Между тем требования вернуть картины сыпались на министерство со всех сторон, в том числе из-за рубежа — от Пизелы Ингеборг Фриттчи, доверенного лица С. Рериха в Европе.

Руководство музея Востока прекрасно понимало: пока во главе созданного Святославом Николаевичем Центра-Музея находится Людмила Шапошникова, им никогда не видать ни наследия, ни усадьбы, да и коллекцию рано или поздно придется отдать. 20.06.91 года ученый совет по наследию семьи Рерихов музея Востока, где присутствовали директор Набатчиков, О. Румянцева, прежний руководитель музея Г. Попов, выпустил странное постановление. Эти высокие лица порешили: отстранить В.Я. Лакшина (председателя правления СФР) и Л.В. Шапошникову (его заместителя и директора Музея) от руководства СФР и Центром-Музеем имени Н.К. Рериха. А в п.10 этого документа ученый совет Государственного музея Востока категорически не рекомендует передачу картин из собрания С.Н. Рериха, находящихся на временном хранении из ГМВ, в Центр-Музей имени Н.К. Рериха.

Доходило до смешного: в январе 1992 года музей Востока разослал приглашения на Всесоюзную рериховскую конференцию. В плане конференции так и записали: «...п. 2. Удаление Шапошниковой Л.В. из СФР как решающего препятствия в деле объединения духовного потенциала страны и, следовательно, ее возрождения. п. 3. Вынесение решения по составу нового руководства СФР».

Эти эпизоды как нельзя лучше характеризуют стиль борьбы Государственного музея Востока за коллекцию Рерихов. Дескать, Рерих завещал коллекцию ГМВ — у нас есть магнитофонная запись, а кроме того, мы решили наших противников уволить.

Но какая запись, если Рерих, хозяин картин, жив, здоров и ему можно просто позво-

нить? Как можно уволить решением ученого совета Государственного музея руководство независимой общественной организации? Документы, подтверждающие эти перлы правовой мысли, находятся в редакции.

«Надежда только на ваше безумство»

За нарушение устава СФР и противодействие воле С.Н. Рериха Набатчиков был выведен из правления СФР. Необходимо было работать дальше: по закону до 31.12.1991 г. всем ранее созданным общественным организациям надо было пройти регистрацию в Минюсте. Для этого решением правления СФР 20.09.1991 г. специально созванная конференция внесла соответствующие изменения и дополнения в устав СФР. Так произошло преобразование СФР в МЦР.

Государственный музей Востока тоже действовал. Были отправлены письма президенту Ельцину и Министерству культуры со следующими заявлениями и требованиями: «Рассмотреть вопрос о передаче наследия Рерихов в государственное хранение», «Считать недопустимым передачу картин С.Н. и Н.К. Рерихов из музея искусств народов Востока в Международный культурный центр Рерихов». В индийской газете DECCAN HERALD О.В. Румянцева без особых аргументов резюмировала: «Этот центр не имеет никаких перспектив».

Жизнь ее поправила. Сегодня усадьба Лопухиных — гордость отечественной реставрационной школы, Музей МЦР содержится образцово. А что же владетель многоотрадальной коллекции? В апреле 1992 года Святослав Николаевич специальным письмом подтвердил роль им созданного МЦР и полномочия Шапошниковой, которая выполняет все его поручения в отношении переданного наследия и является его доверенным лицом и представителем.

В письме президенту Ельцину Рерих попросил помочь вернуть картины из ГМВ в МЦР. В другом письме сообщил «всем рериховским обществам, что господин Сидоров и госпожа Румянцева выступили с ложными и неверными заявлениями в отношении меня, моего наследия и мадам Л. Шапошниковой». Казалось бы, такие недвусмысленные заявления самого Рериха должны были остановить всякую полемику.

И действительно, летом 1992 года Министерство культуры на основании поручения президента РФ вследствие обращения к нему С.Н. Рериха подтверждает права МЦР на коллекцию С.Н. Рериха, находившуюся в музее Востока.

Однако музей Востока и не думал сдавать позиции, прибегнув к поистине мелодраматическим приемам.

← СТРАНИЦА 17

Страшная сказка музея Востока

История борьбы за переданное в Россию наследие Рериха в документах

Все полномочия Шапошниковой и МЦР Рерих подтвердил из Индии. Он это сделал исключительно по собственной воле — все, кто знал его близко, в один голос уверяют, что давить на него было бесполезно. Но в дальнейшем по миру пошла сплетня, пересказанная нам все той же Румянцевой: «Шапошникова поехала к Рериху весной 1990 года, привезла кучу документов от него, и свидетели видели, что к этому времени он плохо себя чувствовал и подписывал все документы, не читая. А его секретарь Мэри Пунача Шапошниковой помогала».

Она привезла так называемую дарственную с прилагаемым к ней списком картин, который не соответствует тому списку, который есть у нас. То есть он частично соответствует. Там авторские номера на картины не соответствуют, размеры картин, названия. Наверное, не хотел он давать ей эти картины, не знаю. Трудно сказать. Дарственная была написана на 288 картин, а их в действительности было 282, которые мы и получили из ВПХО и которые пришли из Болгарии. Все соответствующие документы имеются. Там было написано, что он, Святослав, картины, которые хранятся в музее Востока, передает Советскому фонду Рериха, но с условием, что в любой момент он может взять одну или все работы назад. А это юридически перекрывает всю дарственную. Кроме того, она адресована Советскому фонду Рериха, а за это время Шапошникова переименовала себя в МЦР, но не было собрания уредителей и других формальностей, которые необходимы для этой процедуры. А значит, юридически МЦР не является преемником Советского фонда Рериха. И самое главное — ее список не соответствует нашему».

И здесь мы опять приходим к вопросу, которого касались в нашем повествовании: так у кого же список верный?

«Конечно, у нас, — заверяет Румянцева. — Очевидно, на Святослава был сделан очень большой нажим, и он, чтобы хоть как-то защититься, дал неверный список. Это мое мнение, я его на суде и озвучила».

Итак, вот что мы имеем в сухом остатке (по версии самого активного участника борьбы с Международным центром Рерихов в ГМВ):

1. Святослав представлен О. Румянцевой неадекватным человеком, который документы подписывал не читая.
2. Помогала Шапошниковой, оказывается, авантюристка Пунача, отправляющая от имени жены Рериха фальшивые письма президенту Ельшину, главный исполнитель первоначальной атаки на МЦР и Шапошникову.
3. Завешание, составленное лично Рерихом, это так называемая дарственная.
4. Рерих отдал Шапошниковой картины для перевозки в СССР, но на самом деле отдавать не хотел. И для этого он специально отправил с коллекцией завиральную опись. Чтобы защититься от Шапошниковой.
5. Списки картин в завещании ложны, потому что они не соответствуют списку ГМВ.

Со слов Ольги Румянцевой, перед глазами возникает образ запутавшегося и запуганного полусумасшедшего человека, который специально составил фальшивую опись к наследию всей своей семье, чтобы обмануть неизвестно кого, и таким образом защититься. Но эта картина находится в вопиющем противоречии с образом трезвого, умного и крайне рассудительного человека, каким в этот же период предстает перед нами Святослав Рерих в письмах, документах и на видеозаписях.

При жизни патриарха никаких сомнений в его дееспособности или точности подготовленного им списка наследия ни у кого не возникло. Не смели такого сказать и сотрудники ГМВ, общавшиеся с ним в выражениях, почти подобострастных.

Рерих больше не мешают

Осенью началась подготовка проекта постановления Правительства РФ: передать усадьбу Лопухиных в безвозмездное пользование Международного центра Рерихов и отдать ему из Государственного музея Востока коллекцию С.Н. Рериха. Но в России силовые рычаги государства часто сильнее прав собственности. Проект стараниями ГМВ был положен под сукно.

Обратим внимание на реплику в интервью Румянцевой: «Она (дарственная. — Ред.) адресована Советскому фонду Рериха, а <...> юридически МЦР не является преемником Советского фонда Рериха».

Итак, после преобразования СФР в МЦР музей Востока начинает кампанию по признанию МЦР неправопреемником СФР. Это дало бы возможность не отдавать коллекцию в МЦР, так как на основании своего распоряжения 1990 г. Рерих передавал наследие СФР.

Но владелец наследия был жив и в любой момент по собственному усмотрению мог изменить его дальнейшего собственника. Что остается Святославу Николаевичу, волю которого проигнорировали в очередной раз? В Бангалоре у нотариуса в октябре 1992 г. он подтверждает права МЦР на переданное в СФР наследие.

С этого момента вопрос о правопреимстве в отношении переданного наследия, за который ушел ГМВ, не играет никакой роли: главным в этом вопросе является то, как наследие распорядился сам Рерих, а не Минюст, Минкульт или Государственный музей Востока.

Но 30.01.1993 года смерть настагает Святослава Николаевича, и распоряжение «Архив и наследство Рериха для Советского фонда Рерихов в Москве» становится завещанием С.Н. Рериха. А документ, подписанный им в Бангалоре у нотариуса в октябре 1992 года, — дополнением к его завещанию.

Ноу музея Востока был в рукаве неизменный козырь: союз с чиновниками, создавшими и меняющими по ходу правила игры. И уже через три дня после смерти Рериха Минюст предписал МЦР убрать из устава упоминание о правопреимстве в отношении СФР. Через 20 дней музей Востока получил из Минюста это распоряжение, и в тот же день на заседании фондовой комиссии было принято решение о необходимости перевода коллекции С.Н. Рериха с временного хранения на постоянное.

Затем последовал приказ директора ГМВ № 13 о переводе с временного на постоянное хранение 282 картин Рерихов, который основан просто на рапорте хранителя фонда Рерихов Ольги Румянцевой.

Правовым основанием для постановления государственным музеем коллекции на постоянное хранение может быть лишь право собственности государства на эту коллекцию, которого нет, и обязательный приказ Минкультула после проведения им соответствующей экспертизы, а не приказ директора Набатчикова. Поэтому утверждение о том, что коллекция С.Н. Рериха включена в государственную часть музейного фонда РФ, противоречит закону РФ. Какие бы при этом музей Востока ни представлял документы.

После смерти С.Н. Рериха ГМВ с новыми силами вернулся к осуществлению давней своей идеи: под предлогом создания государственного музея уничтожить общественный музей имени Н.К. Рериха. Но не все забыли завещание Рериха. Председатель Комиссии по

культуре Верховного Совета РФ Ф.Д. Поленов написал в правительство и Министерство культуры, что создать государственный музей невозможно: Рерих поставил обязательным условием общественный статус организации — владельца наследия. В середине апреля 1993 года замминистра культуры Никитина пишет президенту МЦР о готовности передать ему коллекцию С.Н. Рериха из Государственного музея Востока. Министр культуры Сидоров в письме заместителю председателя Комиссии Совета Республики по культуре ВС РФ П.Д. Куришину также признал права МЦР на коллекцию С.Н. Рериха, хранящуюся в ГМВ.

Мэри меняет наследника

Но поздно. Рериха нет в живых, и директор ГМВ Набатчиков просит первого вице-преьера Лобова передать его Музею Лопухиных и все наследие, отобрав его у МЦР. Ему категорически необходимо обосновать свои претензии чем-то очень существенным. И тут очень удачно была использована афера с секретарем Святослава Рериха Мэри Пунача. «Новая газета» подробно освещала эту «операцию» и роль в ней сотрудников музея Востока.

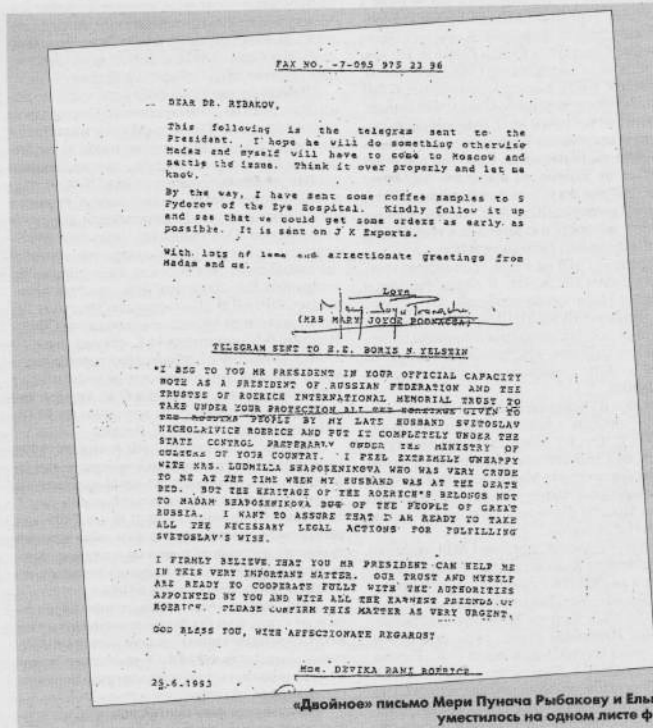
В июне 1993 г. Р.Б. Рыбаков (бывший заместитель председателя СФР, ушедший из фонда именно по причине несогласия с концепцией Рериха об общественном статусе Музея) в радиоэфире ВГТРК зачитал фрагменты любовного письма бывшего секретаря С.Н. Рериха Мэри Пунача. «Мадам Девика Рани (жена Святослава Николаевича. — Ред.) думает сейчас о том, чтобы отозвать назад в Индию все наследие Рериха».

По словам Рыбакова, однажды он получил факс с соответствующим требованием от Мэри Пунача. Факс уместился на одном листе. 1/3 его — это подписанное Пунача письмо Рыбакову, а 2/3 — чужим не подписанное письмо к президенту РФ. По словам Рыбакова, авторство его принадлежало не кому иному, как Девике Рани. ГМВ сразу же опубликовал это письмо, но, естественно, без приписки Мэри Пунача. Абсурд ситуации заключался в том, что Девика Рани не была введена своим мужем С. Рерихом в права наследственного имущества его родителей. Следовательно, если даже предположить, что она и захотела бы изменить завещание своего супруга, то она бы не смогла этого сделать, так как не имела для этого необходимых полномочий.

Фальшивка была организована неряшливо: Пунача совместила два письма на одной странице. Президенту так не пишут.

Однако и этих сомнительных аргументов хватало, чтобы маятник симпатий Министерства культуры качнулся в сторону МЦР. В очередной раз нагавая на юридические тонкости, на основании писем Пуначи Минкультула остановил принятие постановления о передаче МЦР усадьбы Лопухиных в безвозмездное пользование. ГМВ торжествует.

03.10.93 г. Рыбаков получает по факсу от Мэри Пунача еще одно письмо на имя президента. Теперь Пунача выполнила то, что от нее требовалось: только письмом к президенту без всяких приписок. В нем от имени Девики Рани высказан ультиматум: если не будет создан государственный музей, она забрет наследие в Индию. Обеспеченное правительство немедленно передумало и на основании фальшивого письма в виде факса выпустило постановление № 1121 «О создании Государственного музея Н.К. Рериха» в усадьбе Лопухиных как филиала ГМВ. Так ГМВ все-таки добился своего спустя четыре года.

С.Н.Рерих. Мадам Девика Рани Рерих, 1946. 162,9x114,3. Счетная палата РФ установила, что в ГМВ ее размеры 52,5x57,5

КОММЕНТАРИЙ

Анатолий Карпов: слово очевидцу

Уход владельца, до последней минуты боравшегося с российским чиновничеством за право распоряжаться своей собственностью, развязал руки его противникам.

Однако существует свидетель, вполне достойный доверия: он создавал свою репутацию всей своей жизнью и ни разу никому не дал повода поставить его честь под вопрос. Это Анатолий Карпов, знаменитый шахматист, один из тех спортсменов, которые составили славу отечественного спорта. Вот его рассказ об обстоятельствах создания Советского фонда Рерихов.

«Первая наша встреча произошла по взаимной инициативе, хотя Рерих даже большее ее ждал. В то время он уже был в возрасте и твердо настроен на то, чтобы вернуть наследие в Россию. Для этого уже встречался с Горбачевым. И на нашей встрече он высказался так: вроде он находит понимание своих планов у высшего руководства, но как человек, проживший много лет, он понимает, что президенты могут меняться, и гарантии одного президента ему мало. Просто как в воду глядел!

Кроме того, Рерих рассказал мне, что не хочет, чтобы наследие становилось собственностью государства, несмотря на гарантии его главы. Хочу подчеркнуть, что он сказал это прямо и четко, так, что его слова невозможно интерпретировать каким-либо другим образом. Он хотел, чтобы для передачи наследия была создана общественная организация. И когда я спросил: «Почему же не государство?» — ответил, что государственные музеи не создадут необходимых условий, а в случае с общественной организацией государство может участвовать в контроле над судьбой наследия, и контроль получится двойной.

Святослов понимал, что у него много поклонников и последователей, общественная организация будет серьезная, с известными людьми, которые смогут обеспечить сохранность и правильно использовать наследие. Что, собственно, пока в России и происходит. Ну а поскольку все еще только начиналось, он хотел, чтобы какая-то мощная организация выступила на начальном этапе юридическим и финансовым гарантом.

На тот момент Советский фонд мира, который я руководил, имел серьезные финансовые и организационные ресурсы. Ему это было известно. И когда мы достигли в процессе нескольких встреч взаимопонимания, это предопределило его окончательное решение о передаче наследия в Советский Союз.

Частично Рерих уже был к этому готов. Ту часть коллекции, которая хранилась в музее Востока, он уже не вывозил обратно в Индию. И он постоянно твердил о том, что наследие должно быть в руках общественной организации.

Что же отражала борьба государства против передачи коллекции общественной организации? Дело в том, что у нас отношение к общественным организациям стал немного меняться только в последние годы. А тогда к ним государство относилось как к несерьезному и ненужному явлению.

Логика там была такая: нас не волнует, чего хочет Рерих, мы тут всем руководим. А дальше просто — музей обращается в Министерство культуры, и оно в этой борьбе немедленно встает на сторону музея, который подчиняется ему по вертикали.

Когда мы говорим о логике действия высших чиновников, то мне она кажется, скорее бюрократической. Но если мы спустимся уровнем ниже, думаю, серьезной проверки заслуживают и прагматические-материальные мотивы в действиях участников борьбы за наследие Рерихов со стороны государства.

Когда наследие было перевезено в Россию, Советский Союз развалился, и возникло очень напряженное финансовое положение. В какой-то момент Фонд мира оплачивал охрану наследия. До гайдаровских реформ — года полтора. Тогда рублевая часть фонда сторела, как и все накопления российских граждан, и нам стало трудно выполнять свои обязательства.

Тогда я и написал письмо президенту Ельцину: мы уже не могли тянуть эту ношу. Я напомнил, что гарантом и инициатором возвращения наследия был президент СССР, то есть государство. И сам Борис Николаевич является

президентом государства-правопреемника, то есть несет прямую ответственность за выданные Горбачевым гарантии. Мне бы не хотелось выпячивать свою роль в тех событиях: основную борьбу вели другие люди. В целом на меня в тот момент не пытались давить. Моя позиция была довольно серьезной — я был избран народным депутатом, да и другие возможности сохранить независимость имел немалые.

Из действующих лиц той истории знал лично, конечно, Шапошникову. Очень хорошо, еще до знакомства с Рерихом, знал Воронцова. (В последующем Ю.М. Воронцов стал президентом МЦР и пробыл на этом посту до своей смерти. — **Ред.**) Это был великий ум. Сегодня немногие знают, что одно время у Индии с СССР отношения были довольно напряженными, и только благодаря ему их удалось сохранить на традиционно хорошем, дружеском уровне.

В Индии его имя очень много значит. И многие в Индии не хотели терять такую коллекцию. Роль Воронцова трудно тут переоценить.

Шапошников с самого начала заняла неизменную позицию, а это в конечном итоге привело к тому, что воля Рериха была исполнена.

Когда СССР прекратил свое существование, Министерство культуры стало настаивать, что фонд Рерихов в СССР не имеет отношения к МЦР в современной России. Здесь моя позиция вытекает из личных бесед с Рерихом. Все люди, которые работали в Советском фонде Рерихов, сегодня работают в МЦР, и совершенно ясно, что им Рерих доверял и на них он и ориентировался.

То есть для Рериха вопрос о преемственности абсолютно не стоял. Для него это была одна и та же организация. И если сегодня посмотреть на состояние Музея, экспозиции, станет совершенно ясно, что они относятся к своему делу совершенно серьезно. Находят и спонсоров, и поддержку. Тут Рерих не ошибся: если бы Музей был бы государственным, таких возможностей не было бы.

И проблемы со зданием растут из этой же корня. Центр Рерихов хочет, чтобы коллекция стала общественной, и он не останавливается. А поскольку противником центра в разных лицах выступает Министерство культуры, оно пытается повлиять на процесс не мытьем, так катаньем.

Я не был самым активным участником этих событий. Но я видел, в каком состоянии усадьба Лопухиных была передана МЦР, и прекрасно знаю, в каком отличном состоянии она сейчас находится. Поэтому считаю, что просто позорно ставить вопросы о выселении этой организации из замечательного памятника архитектуры, который она воссоздала буквально из руин. В этом огромная заслуга Шапошниковой, Воронцова и их спонсоров.

Существует бюрократическая преемственность, вынуждающая заступающего на пост чиновника против его воли придерживаться позиции прежнего руководства ведомства. И часто важно найти корень проблемы, чтобы поменять позицию. Да и определенное мужество нужно.

Если человек не убежден в своей правоте, он не станет напирать ситуацию. Я очень надеюсь, что новый министр культуры сможет оценить ситуацию с наследием Рерихов. Я очень высоко ценю его работу в качестве посла России во Франции. Он очень много сделал для развития культурных связей с Францией, он понимает тему.

Я никогда не слышал, чтобы назвали чиновника, который нарушил права какой-либо общественной организации или гражданина. Не чувствуя ответственности за свои поступки, они используют силу аппарата, государства, и возникает конфликтная ситуация.

Самую жесткую борьбу против последней воли Рериха вел Швыдкий. Возможно, он хотел воспользоваться этим наследием, оно ему по нравилось.

Ни один из признанных в мире наших художественных музеев (Эрмитаж, Пушкинский, Третьяковка) не претендовал на картины Рерихов. Лишь музей Востока начал борьбу с Рерихом за его картины. У них картины находились на хранении с конца 70-х годов, и они посчитали, что хранение может и должно стать постоянным. Но хранение хранению рознь.

Тут уж самой Шапошниковой пришлось сражаться за выживание общественного Музея и сохранение хотя бы той части наследия, которую она привезла из Индии от Святослава Рериха для создания Музея. Впрочем, она была не одинока, и имена ее сторонников сделали бы честь любому. Д.С. Лихачев обратился с письмом к президенту Ельцину, который поручил правительству изучить вопрос. Академики В.В. Струминский, А.Л. Яншин и другие ученые РАН тоже просили отменить постановление правительства РФ № 1121. О том, как Людмиле Шапошниковой удалось отстоять и усадьбу, и Музей, «Новая газета» писала в № 15 от 2008 г. Отвоевав разрушенную усадьбу, МЦР продолжил ее восстановление и приспособление под Музей.

Осенью 1997 года в присутствии министра культуры Т. Дементьевой состоялось открытие постоянной экспозиции общественного Музея имени Н.К. Рериха в отреставрированном главном доме усадьбы. К этому моменту госчиновники попытались создать некий «баланс» в вопросе о собственности. Было решено усадьбу Лопухиных во исполнение воли С.Н. Рериха оставить МЦР, а коллекцию из 282 картин по факту закрепить за ГМВ. Аргументы музея Востока стали аргументами Министерства культуры — МЦР не есть правопреемник Советского фонда Рерихов.

Шапошникова продолжала требовать от Минкультуры выполнить волю Святослава Рериха и вернуть его коллекцию или представить документы, дающие право на владение ею. Поскольку это могли быть только завешания или дарственная в пользу государства или музея Востока, все последующие годы чиновники категорически отказывались отвечать на этот вопрос. Лишь через два года Шапошникова получила ответ от Швыдкого: «Министерство считает, что позиция, занимаемая Международным центром Рерихов, позволяет нам решить данный вопрос только в судебном порядке». К сожалению, суд как институт к тому времени уже вполне был управляемой частью государственного бюрократического механизма.

Чиновники предложили МЦР сыграть по их правилам на их поле. И в кармане держали пульт дистанционного управления. Сам музей Востока к 2000 году уже не скрывал свою начальную позицию: он с самого начала создания СФР и центра-Музея выступил против концепции С.Н. Рериха о создании общественного Центра-Музея вне подчинения ГМВ и против его завешания — переданное наследие должно принадлежать общественной организации.

быть передана из Государственного музея Востока в Международный центр Рерихов.

Разумеется, Минкульт стоял на прежней казулистической позиции: МЦР не правопреемник СФР. Тот факт, что правопреемство МЦР на переданное в СФР наследие подтвердил у нотариуса сам Святослав Николаевич, осталось незамеченным. Суд вообще не стал вникать в представленные МЦР документы. Ему хватило письма музея Востока, в котором утверждалось, что все документы на получение от С.Н. Рериха этой коллекции утеряны. (В редакции, кстати, имеется акт получения Министерством культуры СССР коллекции картин С.Н. Рериха.)

Одним из требований МЦР в суде было проведение экспертизы коллекции на предмет ее целостности и соответствия первичным документам. И это было очень опасно для музея Востока: коллекция лишь формально считалась целой. На деле же часть картин пропала, некоторые из них всплыли в зарубежных коллекциях. Другие оказались по многим параметрам отличными от тех, которые в 1978 году прибыли в страну.

Вот что рассказывает Ольга Румянцева, представительница ГМВ, о том, как в музее Востока появились картины Рерихов: «Я получала от ВПХО (Всеюзное производственно-художественное объединение им. Вучетича. — **Ред.**) сначала 91 картину в 1980 году. Оттуда я отобрала по распоряжению Минкультуры. <...> 29 работ. А остальные мы сдаем по акту в ВПХО. Все эти документы есть в наличии. В 1984 г. я получаю на огромную выставку <...> 233 работы. Но в Минкульте мне сказали: заберите и оставшиеся двадцать, чтобы не разбивать коллекцию. Я по актам забрала и их...»

Выставка длилась почти два года. После того, как она завершилась, <...> ВПХО свою часть принимает назад категорически отказалось. Главная хранительница сказала мне: «Ольга Владимировна, от картин останутся дрова» <...>. Они сказали: назад мы не берем, пусть они у вас хранятся, но и приписывать к вам не будем.

«Новая» исследовала документы, которые имеют отношение к истории, описываемой Румянцевой. Очевидна разница между документами тех лет и тем, как она их позднее интерпретирует.

Итак, 2 ноября 1978 г. коллекция С.Н. Рериха в количестве 296 картин передана Министерством культуры СССР на временное хранение для проведения переданных выставок по стране. Первая выставка прошла в Ленинграде в Русском музее. Затем коллекция побывала в других городах СССР, и в 1979 году ее привезли в Москву.

По данным ГМВ, первая партия картин из коллекции поступила в музей в декабре 1980 года. Это было 91 полотно из ВПХО им. Вучетича — имеется акт № 5443 от 16.12.1980 года. Обратное возвращено только 62 картины, на что также имеется акт № 7 от 17.03.1981 года. В 1984 году ГМВ по заявлению О. Румянцевой получил еще 233 картины из коллекции С.Н. Рериха (акт № 210 от 15.11.1984 г.), а в 1985 г. в ГМВ прибыло дополнительно 20 картин (акт № 35 от 28.03.1985 г.).

Куда пропал кусок наследия?

Итак, МЦР вынужден был вступить в судебные тяжбы, навязанные ему Минкультом. В 2001 году он подал иск о признании в арбитражном суде Москвы. Требования МЦР сводились к следующему: согласно законной воле владельца коллекции С.Н. Рериха, она должна

СТРАНИЦА 19

Страшная сказка музея Востока

История борьбы за переданное в Россию наследие Рерихов в документах

Из рассказа О.В. Румянцевой следует, что сотрудники ВХПО практически насильно заставили ее забрать коллекцию в музей Востока. Однако в редакции имеется ее докладная записка в Минкульт с просьбой оставить эту коллекцию в ГМВ. Из текста очевидно, что инициатором невозвращения коллекции был вовсе не ВХПО, а сама Румянцева.

Но почему сотрудница музея Востока пытается запутать историю с передачей коллекции? Не исключено, им есть что скрывать.

Вот что говорит Александр Стеценко, представитель Международного центра Рерихов.

«Из Болгарии в СССР в соответствии с актом № 4193 от 2.11.1978 г. должно было поступить 300 картин (132 Николая Рериха и 168 Святослава Рериха). Но прибыло 296, первоначально не прибыли 4 картины Святослава Рериха, а три картины Николая Рериха были заменены другими, в списке не обозначенными. В дальнейшем три картины Н.К., первоначально отсутствующие, были доставлены в СССР. Об этом свидетельствуют акты музеев, в которых проходили первые выставки. А сейчас они отсутствуют в ГМВ. Возможно, и первоначально отсутствующие 4 картины Святослава Рериха тоже были доставлены в СССР. На основании акта-поступления коллекции надлежало вернуть в Болгарию 7 картин Николая Рериха и 4 Святослава Рериха, которые Рерих подарил Болгарии. Нам неизвестно, какие картины, когда и на основании каких документов были отправлены из СССР. На запросы, которые мы отправляли по этому поводу в Министерство культуры, а затем руководителю Федерального агентства по культуре и кинематографии М.Е. Швыдкому, ответа мы так и не получили. Однако факт остается фактом: сейчас в музее Востока находится только 282 картины, тогда как на основании завещания их владельца в России должно быть 288 картин. Нам известно, что Святослав Рерих не делал никаких изъятий из своего завещания, поэтому отсутствие шести картин из состава коллекции является незаконным.

Сравнивая нынешний состав коллекции с первоначальным составом прибывших в СССР картин, обнаруживаем, что в ГМВ находится по многим показателям значительно измененный ее состав. Мной проведен анализ многих списков этой коллекции, начиная с документов ее владельца и выставки в Болгарии, после которой она прибыла в СССР. Я исследовал акты приема-передачи многих музеев, где выставлялась коллекция, и списки самого ГМВ. Результаты анализа поражают: в ГМВ многие картины не соответствуют первоначальному составу коллекции не только по размерам (расхождение достигает до 100 см), но и по технике исполнения и названиям. Результаты этого исследования были опубликованы в 2004 г. Но до сих пор те органы, которые отвечают за сохранность культурного наследия, так и не заинтересовались этим вопросом. Проверки, которые они проводили были ограничены лишь сверкой наличия и соответствия картин спискам самого музея Востока, а не первоначальному составу коллекции».

Механизм расхищения

В доказательство своих прав на коллекцию музея Востока представил отнюдь не достоверную или завешанную, а просто акт № 54 от 12.03.1993 г. о переводе картин с временного на постоянное хранение. Это не документ

на владение — это накладная о получении товара, где музей Востока выступает одновременно и как податель, и как получатель. Но суд почитал эту накладную полноценным доказательством. С другими документами суд не работал.

Зато ГМВ в преддверии арбитражного процесса 2001 года провел свою собственную «работу с документами» — дабы подвергать их под свою версию событий. Здесь бы возбудиться прокуратуре, но ее почему-то эта мутная история не волнует.

Попытка перевернуть историю с получением коллекции оказалась так грубо прошта белыми нитками, что даже сторонних специалистов подвергала в изумление. Мы разыскали свидетеля, который работал с документами той поры. Исследователь из провинции Шелев фактически ненароком открыл механизм разбазаривания уникальной коллекции Рерихов. Вот что он рассказывает.

«В начале июля 2004 года мы получили задание от нашей картинной галереи взять в РосИЗО (так теперь называется бывшее ВХПО — Всесоюзное художественно-производственное объединение им. Е.В. Вучетича)

экспонаты, которые государство для нас выделило. Выполняя это задание, два рабочих дня с утра до вечера мы вдвоем со Светланой Владимировной Ступак работали над документами. Коснулись и документов, связанных с коллекцией Святослава Рериха.

Диапазон нашего исследования — с 1978 по 1993 г. Мы изучали документы ВХПО: акты приема и выдачи, в которых указывалось, что в музей Востока передавалось определенное количество картин. Также мы сверили наши результаты с отчетом проверки музея Востока Счетной палатой РФ «О передаче картин Рерихов музею Востока». И первое, что нам бросилось в глаза, — далеко не все документы, связанные с фактом передачи коллекции Рерихов из ВХПО в музей, указаны в отчете.

В официальном отчете упоминается лишь акт выдачи 91 картины № 5443 от 16 декабря 1980 года. Он имеет четырехзначный регистрационный номер. И следующий документ, с которым работала Счетная палата, согласно ее же отчету, — акт № 5753 о возврате в ВХПО 62 картин, датированный 17 марта 1981 г. Генеральный директор музея Востока А.В.

Седов в своей статье в «Независимой газете» в мае прошлого года писал, что единственным основанием законных перемещений картин из коллекции Рерихов могут быть только акты приема-передачи. Он ссылается на эти два акта. Но следующий акт № 210, который приводит в доказательство Седов, в ВХПО не существует — он имеет трехзначный регистрационный номер, а таких в истории архива ВХПО нет. Последний акт в доказательной базе Седова имеет и вовсе двузначный номер — 35. ВХПО, повторяю, все акты в тот же самый период регистрировал четырёхзначными номерами.

Передача полотен происходила, по информации Седова, с 1980 по 1989 год. Для нас как для исследователей это было существенно.

Об актах выдачи картин музею Востока в 1989 году Седов как будто и вовсе не знает. Это означает, что и Счетная палата в своем отчете о проверке, и Седов в статье приводят неполную и, мягко говоря, некорректную информацию. И возникают вопросы: как же на самом деле передавались картины? Мы предполагаем, что двух- и трехзначные акты — это уже внутренние документы музея Востока.

Но если это внутренние документы музея Востока о приеме картин Рерихов, они обязательно должны соответствовать актам выдачи ВХПО и быть датированными одним и тем же днем! И обязательно должны совпадать данные о количестве выданных и принятых экспонатов. А таких документов в архиве ВХПО нет вовсе. Но тогда и сами акты ГМВ не могут быть доказательством корректности процедуры выдачи.

Акт № 210 от 15 ноября 1984 г., согласно отчету Счетной палаты, фиксирует передачу из ВХПО 233 картин из коллекции Святослава Николаевича Рериха. Мы же обнаружили акт ВХПО № 6919 от 2 октября 1984 г. о выдаче 253 картин! Но ни Седов в своей статье, ни Счетная палата в отчете о факте выдачи 253 картин и соответствующем документе не упоминают. Однако документ существует, и в нем ответственный работник музея Востока О.В. Румянцева своей рукой, красной ручкой (в дальнейшем это окажется важной деталью) подтверждает принятие из ВХПО 253 картин. (Об этом акте О.В. Румянцева в своем интервью умолчала. Она также не сообщила о его наличии суду. — Ред.)

Итак, под роспись Румянцевой выдано из ВХПО 253 картины, а принято в музей Востока 233 и то только через полтора месяца — по акту приема № 210 от 15.11.1984 года. Мы хотим понять, куда делись эти 20 картин. Читаем отчет Счетной палаты: «В 1985 г. из фонда ВХПО в музей передано 20 картин по акту № 35 от 28 марта 1985 г. для организации выставки «Н.К. Рерих и С.Н. Рерих». Написан такой акт мог быть как угодно — это не документ ВХПО, не имеющий в своих архивах двузначных регистрационных номеров актов. Мы имеем в своем распоряжении документы ВХПО того периода, они все четырехзначные. Мы не можем понять, кому принадлежит акт № 35, потому что даже у музея Востока номера актов были трехзначные!

Выходит, формально составленным документом просто поправили недостачу в 20 картин, которую «заметили» полгода спустя. Сам акт мы в глаза не видели, это просто упоминание о документе в отчете Счетной палаты.

В папке актов выдачи буквально перед этим обнаруженным нами актом ВХПО № 6919 лежит от руки написанный листочек. И там авторучкой сделан расчет: «282 — 253 = 29 картин».

Министерство культуры СССР
Всесоюзное художественно-производственное объединение им. Е.В. Вучетича
Москва, ул. Профсоюзная, 76
Тел. 129-55-89

Минкультуры
Москва/1184
Вводно
№ 282 от 4.10.1984
Принято
№ 253

Итого: 253/двести пятьдесят три / произведений живописи Н.К. и С.Н. Рериха.

Список произведений прилагается на 66 листах.

Выдана: М.В. Ламанкина
Принят: О.В. Румянцева
Один экземпляр акта, подписанный и заверенный печатью, просьба вернуть в объединение.

Акты о передаче 253 картин из ВХПО в музей Востока Ольга Румянцева отметила красными чернилами

Автор	Наименование произведения	Роспис	Матр. и гол.	Созданность	Наим. №	Примечание
2	160 произведений художника Святослава Николаевича Рериха.					
3	93 произведения художника Николая Константиновича Рериха.					

Н.К. Рерих. Дева снегов. 1947. Работа ушла из России в зарубежную коллекцию

Этот листочек, который кто-то написал себе как памятку, чтобы не забыть разницу между якобы принятыми и выданными экспонатами, не пошлит, лежит между документами строгой отчетности.

Но больше всего нас смущало то, что первый акт о передаче 253 картин Рериха из ВХПО от 2.10.1984 г., являясь документом строгой отчетности, прошитым и оформленным согласно правилам, не имеет строгой нумерации листов. Нумерация внесена от руки. В акте указано, что к нему должен быть перечень картин на 66 листах. Перечень должен быть, согласно правилам оформления, в сквозную нумерацию листов папки актов выдачи. Но перечня переданных музею Востока картин с их описанием нет. Ровно 66 листов изъятых из самой подшивки. Документов об изъятии и вообще каких-либо пояснений по исправлениям там нет. Следующая за изъятым перечнем страница пронумерована красной ручкой как 287-я, а рядом вписан новый номер страницы — 221-я. Существенно, что принявшая картины О.В. Румянцева дважды написала в акте: «принято без осмотра содержания». Из-за изъятия подробной описи 253 выданных из ВХПО картин на 66 листах мы сегодня не можем понять, какие картины значились в акте.

Сотрудница РосИЗО, работающая там уже 30 лет сообщила нам, что очень хорошо помнит всю процедуру прихода картин Рерихов в 1979 году. Несколько дней они простояли в печатанных ящиках. Затем прибыли сотрудники музея Востока и забрали их. После этого на территории РосИЗО картин больше не было никогда: по решению Святослава Николаевича все они были включены в передвижные выставки. Картины уезжали из музея Востока на передвижную выставку и потом возвращались обратно в музей. После этого музей Востока должен был вернуть их в ВХПО до следующей выставки (а промежуток случался немалый). Но он их не возвращал. Хотя по документам постоянно происходили процедуры выдачи картин из ВХПО музею Востока и приема их обратно. Скорее всего — документы о выдаче писались формально, без реального перемещения картин.

Мы пока не знаем, где картины реально находились и кто их считал. Это должны были быть сотрудники ВХПО. Но мы уже понимаем, что по свидетельству сотрудников ВХПО, картин реально в хранилище и не было. Нужно выяснить, из какого фонда выданы 20 картин через полгода после того, как они по официальному документу были уже переданы музею Востока. Существуют фонды государственного и негосударственного хранения, временные и постоянные, фонды реставрации и т.д. Возможно, это не халатность, тут есть какая-то своя история.

Также мы нашли расписку сотрудника музея Востока Голенищевой-Кутузовой о том, что в 2001 году она посетила ВХПО и взяла там на сутки некоторые акты. Именно в это время МЦР поднял вопрос о правомерности нахождения картин Рерихов в ГМВ и потребовал уточнить их количество. Тут-то сотрудники музея Востока и принялись поднимать старые документы и вычислять задним числом количество картин, которые приходили и возвращались. Началось разбирательство, и ГМВ стал поднимать результаты.

По свидетельству генерального директора музея Востока А.В. Седого, в статье «Вокруг Рериха» в «Независимой газете» от 22.05.2008 года, в музее Востока «за прошедшие годы состав выставки (речь идет о 288 картинах, принадлежавших С.Н. Рериху) неоднократно менялся». Спрашивается, на каком основании этот состав менялся без согласования с владельцем картин, передавших их правительству СССР на временное хранение?»

Без судебного следствия

К этому свидетельству ничего не прибавить, не убавить. Голенищевой-Кутузова могла забрать из архива ВХПО акты выдачи только по распоряжению аппарата Швыдкого: это грубое нарушение порядка хранения архивных документов. Впоследствии многие акты ГМВ изменил. И вот эти документы внутреннего учета, да еще «скорректированные» под версию музея Востока, судом не изучались и не проверялись, а были приняты как истинные.

Самая Ольга Румянцева изложила нам другую версию, правда, без ссылки на документы: «Когда я забрала все картины, я получила 282 картины по акту от ВХПО. И начались суды. Сначала я думала, что 6 картин где-то потеряны, потому что у меня не было исходных документов. Но исходные документы, которые пришли от Святослава в Русской музей и с которыми я ознакомилась, — подтвердили, что все честно. И через суды мы доказали, что было 282 картины».

Наша главная героиня лукавит. В материалах судебного дела упоминаются личные показания Румянцевой о том, что все документы передачи коллекции из Болгарии в Россию потеряны. Хотя акт поступления коллекции (296 полотен) в СССР в 1978 г. был обнародован МЦР спустя несколько лет после арбитражного процесса. Более того, ГМВ после суда ввел в заблуждение и Генеральную прокуратуру. «Новая газета» располагает письмом генерального прокурора Устинова, в котором речь идет о том, что Генеральная прокуратура установила, что из Болгарии в СССР в 1978 году прибыла коллекция С.Н. Рериха в составе 282 картин. Как будто под диктовку Румянцевой.

ГМВ в суде не доказал права собственности на коллекцию. Ни в одном документе этого процесса нет даже ничего похожего. Наоборот, суды, отказав МЦР без изучения документов С.Н. Рериха, предложили ГМВ подтвердить свои права на коллекцию в другом судепроцессе, если он сочтет это необходимым. Что тот до сих пор не сделал, да и не сделает никогда.

Кассационные инстанции отказали МЦР. Налицо объективные признаки содействия ответчикам со стороны суда: от них так и не потребовали документов, подтверждающих их право на владение коллекцией. Чиновники совсем уже перестали стесняться. В одном из писем Минкультуры прямо утверждается: «Государство никогда не получало от С.Н. Рериха и не хранило 288 картин. Этих произведений изначально было 282, и все они находятся в полной сохранности». Но акт, хранящийся в редакции, свидетельствует, что в 1978 г. государство в лице Министерства культуры получило именно 296 картин. Суду его не показали.

И если С. Рерих, владелец коллекции, указал, что в СССР осталось 288 картин, перечисленных в его завещании, следовательно, для этого были серьезные основания.

Операция «Ни шагу назад!»

Об отношении музея Востока к Международному центру Рерихов бывшего директора ГМВ Набатчикова, к сожалению, уже не спросишь — его нет в живых.

Однако мы поговорили на эту тему с Ольгой Румянцевой. С ее точки зрения, разрешение конфликта невозможно:

— С самого основания этого центра в 1989 году мы обитаем в противоположных полях с ним... Суть конфликта — отобрать у нас картины. Они уже отобраны у нас здание... (это про усадьбу, где располагался по личному распоряжению Горбачева общественный Музей имени Н.К. Рериха и которая ни одного дня не имела отношения к музею Востока. — Ред.) наши картины Рерихов...»

На вопрос о том, возможно ли в будущем мирное сосуществование с МЦР, Румянцева отвечает: «Никогда, это исключено на 100%. И в первую очередь потому, что они упорствуют в этом». Упорством Ольга Румянцева называет настойчивые требования МЦР выполнить волю своего основателя С.Н. Рериха, выраженную в его завещании. Святослав Николаевич в нем указал однозначно: коллекция должна принадлежать не Государственному музею Востока, а созданному им общественному Музею.

И вот, чтобы не отдавать коллекцию, Государственный музей Востока выбрал самый простой путь: ликвидировать претендующий на нее общественный Музей имени Н.К. Рериха путем высылки МЦР из усадьбы Лопухиных. Не будет общественного Музея — и не надо будет отдавать коллекцию. И уж тем более если заполучить в свою собственность усадьбу Лопухиных, то и хранящаяся в ней наследие тоже отойдет к ГМВ.

Парадокс Хамовнического суда

Серьезной попыткой МЦР вступить в права наследия стала судебная серия в Хамовническом суде Москвы, которая началась в 2002 году. Судья, очевидно, был не в курсе государственной позиции в отношении наследия Рерихов и протестушно поступил по закону — подтвердил права МЦР на наследственное имущество Святослава Николаевича Рериха в соответствии с его завещанием. Вот тут министр культуры Швыдкой и музей Востока всполошились!

Надзорной жалобой Швыдкой просил отменить решение Хамовнического суда и отказать МЦР в возможности рассмотрения их заявления о признании факта получения наследственного имущества. Немудрено: отсутствие у государства прав на наследование — самый слабый пункт его в позиции. И его решительно невозможно поправить.

Разумеется, «антигосударственное» решение Хамовнического суда было отменено вышестоящими инстанциями. Но МЦР уже

P.S.

Дело о наследии Рерихов все еще ждет настоящего суда. Международный центр Рерихов вот уж который год надеется, что прокуратура наконец обратит внимание на все эти махинации с бесценным для русского народа культурным наследием. К правоохранителям накопилось немало вопросов. Например, почему до сих пор никто не проверил соответствие нынешней коллекции в ГМВ ее первоначальному составу. Неужто правоохранительные органы не интересуются, куда делись картины Рерихов, стоящие многие миллионы долларов? Почему никто, кроме журналистов, не исследовал аферу воровки Мери Пуначчи с липовым факсом Ельцину от вдовы Рериха? Почему никто не запросил документов, подтверждающих право музея Востока на наследие? Почему в конце концов представители этого государственного музея так отчаянно пытаются распотрошить Музей общественный, народный? Не оттого ли, что в мутной воде всегда удобнее ловить свои миллионы?

Валерий ШИРЯЕВ